

приоритет2030⁺
право для лидерства

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

*«Концепт суверенитета и юрисдикции
государства как обеспечение его
устойчивого развития»*

*Автор: доцент Терентьева Людмила Вячеславовна, д.ю.н.,
профессор кафедры международного частного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

1. Суверенитет государства в киберпространстве

На заре формирования киберпространства возникла нигилистическая концепция о его автономии от каких бы то ни было форм государственного управления. Известным идеологом данной концепции Дж. Барлоу указывалось на сложность регламентации отношений, складывающихся в киберпространстве в силу его внетерриториальности и, соответственно, о невозможности установления в отношении киберпространства государственного суверенитета¹. Эволюционировала данная концепция в трудах американских и российских ученых, которые подошли к проблеме регулирования отношений в киберпространстве не столь радикально как Дж. Барлоу и предложили правовую систему, основанную на саморегуляции, ввиду отсутствия возможности осуществления сувереном своей власти в киберпространстве, не имеющем границ². В доктрине было немало исследований, посвященных опровержению указанной концепции. Нежизнеспособность нигилистической концепции, казалось бы, очевидна и доказывается тем, что по своей сути впечатляющие своей масштабностью общественные отношения с использованием ИКТ не отличаются от общественных отношений без использования ИКТ и, соответственно, не могут быть за рамками правового регулирования соответствующего государства. Относительно возможности саморегулирования соответствующих отношений, справедливо было отмечено А.И. Капустиным, что поскольку ИКТ-среда широко используется и в международных, и в транснациональных отношениях, допустить саморегулирование в ней равносильно легитимации частного произвола, если оценить весь спектр интересов государств,

¹ Барлоу Д. П. Декларация независимости Киберпространства//URL: <http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/translat/deklare.html> (дата обращения: 14.07.2023).

² Johnson D. Post D. Law And Borders: The Rise of Law in Cyberspace //Stanford Law Review. 1996//URL: <https://cyber.harvard.edu/is02/readings/johnson-post.html>; Самарин А.А. Экстерриториальное действие права: автореф. дисс... канд. юрид. наук. Нижний Новгород. 2016. С.13.

международных организаций, юридических и физических лиц различных государств³.

Между тем, аргументация, построенная на необходимости установления саморегулирования отношений в киберпространстве, активно используется как при обосновании концепции десуверинизации государств в эпоху цифровых технологий, так и в рамках концепции управления киберпространством по модели мультисейкхолдеризма, а именно управления Интернетом с учетом интересов всех участников интернет-сообщества, бизнеса и государств. Концепция мультистейкхолдеризма фактически выстроена на аргументах умеренных нигилистов, отстаивающих необходимость саморегулирования отношений в киберпространстве, которое на сегодняшний момент осуществляется рядом американских корпораций на основании тех или иных технических протоколов. В этой связи идеи неустойчивости восприятия категории суверенитета государства в контексте развития ИКТ, равным образом эксплуатируются как при обосновании концепции мультистейкхолдеризма, так и «цифрового либертарианизма».

Именно развитие цифровых технологий способствовало возникновению теории «цифрового либертарианизма», в рамках которой суверенитет киберпространства противопоставляется государственному суверенитету⁴. Трудности объективирования киберпространства определенными физическими параметрами спровоцировали появление тезисов о неэффективности географической территориальности в международном праве и ослаблении государственных границ⁵; о существенном изменении понятия

³ Капустин А.И. Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 6. С.99-108.

⁴ Туликов А.В. Зарубежная правовая мысль в условиях развития информационных технологий // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С.235-243.

⁵ Ансельмо Э. Киберпространство в международном законодательстве: опровергает ли развитие Интернета принцип территориальности в международном праве? // Экономические стратегии. 2006. №2. С. 24-31; Малахов В.С. Государство в условиях глобализации. М.: Книжный дом Университет, 2007. С. 218; Benyekhlef K., Gelinas F. The International Experience in regard to Procedures for Settling Conflicts relating to Copyright in the

«территория» и отсутствии совпадения границ государств с границами реализации их власти⁶; о невозможности территориальных суверенов управлять киберпространством, для которого должна быть создана своя юрисдикция (или несколько юрисдикций)⁷, а также об отнесении суверенитета к фикции⁸.

Международное значение суверенитет как принцип международного права для ряда государств в пределах их территории получил с подписанием Вестфальского мирного договора (1648 г.), ознаменовавшего окончание европейской Тридцатилетней войны. Его условиями были утверждены верховенство, независимость, самостоятельность государства на всей его территории, невмешательство во внутренние дела государств. В настоящее время на международном уровне не закреплено понятия суверенитета государства, но в Уставе ООН содержится принцип суверенного равенства государств как один из основополагающих принципов международного права, который впоследствии был подтвержден практикой Международного Суда ООН. В одном из первых дел, рассмотренном Международным Судом ООН (дело о проливе Корфу) принцип территориального суверенитета был признан одним из основополагающих принципов международного права⁹.

Digital Environment // UNESCO Copyright Bulletin. 2001. Vol. XXXV. № 4. P. 7; Kobrin S. Electronic cash and the end of national markets// Global Issues. 1997. Vol. 2(4). P. 65-77.

⁶ Adams J., Albakajai M. Cyberspace: A New Threat to the Sovereignty of the State//Management Studies. 2016. Vol. 4. № 6. PP. 256-265; Matusitz J. Intercultural perspectives on cyberspace: An updated examination//Journal of Human Behaviour in the Social Environment. 2014. Vol. 24(7). PP. 713-724; Стрельцов А. Суверенитет и юрисдикция государства в среде информационно-коммуникационных технологий в контексте международной безопасности // Международная жизнь. 2017. № 2. С. 88-106.

⁷ Johnson D. Post D. Law And Borders: The Rise of Law in Cyberspace //Stanford Law Review. 1996//URL:<https://cyber.harvard.edu/is02/readings/johnson-post.html> (дата обращения: 10.05.2023).

⁸ Иванов В. Государство и суверенитет. Спор о суверенитете // Русский журнал. 2009// URL:<http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Gosudarstvo-i-suverenitet>(дата обращения: 10.05.2023).

⁹ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1948-1991//Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 1993. С. 6.

В многочисленных доктринальных определениях суверенитета подчеркивается преимущественно верховенство и независимость государства внутри своей территории и по отношению к другим государствам¹⁰. Суверенитет, наряду с территорией, населением и властью, выделен в качестве наиболее важных признаков государства¹¹. Связь государственного суверенитета с государственной территорией, способствовала возникновению термина «территориальный суверенитет». В международном праве территориальный суверенитет (территориальное верховенство) определяют в качестве распространения власти государства по отношению ко всем лицам и организациям, находящимся в пределах его территории, при исключении деятельности публичной власти другого государства¹². С.В. Черниченко было отмечено, что суверенитет государства всегда «территориален», т. е. существует в рамках территории государства и лишь его проявления могут выходить за пределы его территории¹³.

Территориальный характер суверенитета закреплен и в Конституции РФ, ч. 1 ст. 4 которой предусматривает, что суверенитет РФ распространяется

¹⁰ Венгеров А.Б. Теория государства и права. М.: Омега-Л, 2005. С.92; Кузьмин Э.Л. О государственном суверенитете в современном мире // Журнал российского права. 2006. № 3 (111). С. 84-94; Международное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. А.А. Ковалева, С.В. Черниченко. 3-е изд., испр. М.: Омега-Л, 2008. С 151; Макуев Р.Х. Несостоятельность идеи «ограниченного суверенитета» // Государство и право. 2008. № 9. С. 23-29; Мусихин Г.И. Указ. соч. С. 64-78; Толстых В.Л. Курс международного права: учебник. М.: Проспект, 2018. С. 238.

¹¹ Международное публичное право: учебник / Под ред. К.А. Бекяшева. М.: Проспект, 2013. С.184. (автор главы V – К. А. Бекяшев); Международное право: учебник / Под ред. Колосов Ю.М., Кузнецов В. И. М.: Международные отношения, 1998. С.58; Международное право. Общая часть: учебник / Под ред. Валеева Р.М., Курдюков Г.И. М.: Статут, 2011. С. 326. (автор главы IX – Бакирова Г.Я.); Толстых В.Л. Курс международного права: учебник. М.: Проспект, 2018. С. 236.

¹² Клименко Б. М., Порк А. А. Территория и граница СССР. М.: Международные отношения, 1985. С. 20; Клименко Б. М. Основные проблемы государственной территории в международном праве: дисс... докт. юрид. наук. М., 1972. С. 44; Крылов Б.С. Государственный суверенитет: современные проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 6. С.2; Международное право: учебник / Под ред. Колосов Ю.М., Кузнецов В. И. М.: Международные отношения, 1998. С.92.

¹³ Черниченко С. В. Делим ли государственный суверенитет? // Евразийский юридический журнал. 2010. № 12. С. 25–31.

на всю территорию РФ¹⁴. При этом в соответствии с ч.1 ст. 67 Конституции РФ под территорией понимается территория субъектов РФ, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. Установление суверенитета государства в отношении информационно-коммуникационного пространства в Конституции РФ не предусмотрено.

Тот факт, что существенные качественные свойства государства, а также принципы международного права глубоко укоренены в традиционных понятиях территориальной географии, обусловил в доктрине постановку вопроса насколько адекватно Вестафальская система, установленная в 1648 г., способна отвечать современным вызовам сетевого общества¹⁵.

В то же время концепция ограничения суверенитета получила свое распространение еще в XX веке задолго до формирования сетевого общества в силу развития системы международных отношений. Широкое использование информационных технологий стали лишь новым поводом для дежурной постановки вопросов о возможной десоверенизации и утрате значения государственных институтов. Следует отметить, что идеи о снижении значимости концепции суверенитета будут всегда демонстрировать живучесть и получать новое дыхание с каждым следующим вызовом мировому сообществу. На определенный момент таковым вызовом являлась глобализация. Но одна из прогнозируемых моделей будущего глокализация, где вместо одного глобального мира, формируется определенное количество связанных между собой глобальных миров, также сохраняет все те риски, которые несла в себе глобализация, и может оказаться очередным спекулятивным мотивом для обоснования концепции исчерпания государственного суверенитета. В любых возможных изменениях общественных отношений, вызванных экономико-технологическими,

¹⁴ Конституция РФ от 12.12.1993 г. (ред. от 1.07.2023 г.). // Российская газета 1993. № 237. 2020. № 144.

¹⁵ Bethlehem D. The End of Geography: The Changing Nature of the International System and the Challenge to International Law//European Journal of International Law.2014. Vol. 25 № 1. P. 9–24.

политическими, социальными, и иными факторами, апологеты данной теории будут видеть все новые признаки десоверенизации и исчезновения государственных институтов¹⁶. Между тем, как отмечено М.Н. Марченко, значимость оценки концепций об «исторической исчерпаемости» и «размываемости» государственного суверенитета заключается в том, что подобные идеи ведут не только к подрыву сложившегося в течение ряда столетий учения о суверенитете и его роли в жизни общества и государства, но и к размыванию всей методологической основы процесса познания государства и права¹⁷.

Относительно воздействия информационных процессов на государственный суверенитет авторы занимают прямо противоположные позиции, которые могут порой иметь определенный идеологический оттенок. В российской доктрине существуют две полярные позиции относительно необходимости ограничения концепции суверенитета в современных условиях.

К первой группе относятся авторы, отрицающие необходимость трансформации концепции суверенитета, в силу его сущностного, статичного признака государства (А.А. Моисеев, С.В. Черниченко)¹⁸.

Вторая группа авторов обосновывает неминуемость ограничения суверенитета различными аргументами: изменение объема суверенных прав государств в пользу увеличения прав негосударственных субъектов в силу глобализационных процессов (А.А. Самарин)¹⁹; ограничение суверенитета в

¹⁶ См.: Терентьева Л.В. Концепция суверенитета государства в условиях глобализационных и информационно-коммуникационных процессов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С.187-200.

¹⁷ Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2011. С.92-93.

¹⁸ Черниченко С. В. Указ соч. С. 25-31; Галушко Д.В. О суверенитете государства в международном праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 1 (14). С. 366–374; Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве: в контексте глобализации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 26.

¹⁹ Самарин А.А. Право и экстерриториальность в условиях глобализации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1 (102). С. 115–124.

современных условиях (В.М. Шумилов)²⁰; ослабление суверенитета в условиях экономического, политического, научно-технического, экологического и информационного сближения государств (А.Н. Кольцов)²¹; изменение концепции государственного суверенитета под воздействием процесса глобализации и иных процессов (А.В. Курочкин)²².

Такой подход обуславливает укрепление постпозитивистской позиции в отношении государственного суверенитета, которая отказывает суверенитету в праве являться важнейшим признаком или свойством национального государства. В связи с ограниченным влиянием государственной власти на виртуальное сообщество в доктрине высказана точка зрения, что, будучи альтернативным пространственным измерением, киберпространство становится фактором разрушения Вестфальской системы, в том числе и трансформации ее стержня — института суверенитета²³.

В отечественной и зарубежной науке все чаще озвучиваются идеи о постсуверенной эпохе, в которой суверенитет и его носитель — государство, исчезают в результате глобализации и формирования новых интегративных единиц²⁴. Предпосылками десуверенизации и разложения Вестфальской системы международных отношений авторы считают научно-техническую и информационную революции, которые обеспечили радикальное изменение скоростных возможностей и объемов коммуникационного процесса²⁵.

Следует согласиться с позицией о том, что обеспечение государственного суверенитета в информационной сфере и развитие

²⁰ Шумилов В. М. Международное право. М.: Юстиция, 2016. С. 199.

²¹ Кольцов А.Н. О глобализации и суверенитете государств // Вестник Чувашского университета. 2004. № 1. С. 50–53.

²² Курочкин А.В. Трансформация государственного суверенитета в условиях становления сетевого общества // URL: www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/24.html (дата обращения: 14.04.2023); Rubenstein K. Australian Citizenship Law in Context. Lawbook, 2002. P. 270.

²³ Шарифов М.Ш. Суверенная власть в киберпространстве и в сетевом пространстве // Современное право. 2009. № 6. С. 40–44.

²⁴ Силантьева М. В. Новые принципы «философии границы» в глобальном мире – десуверенизация или «постсуверенизация»? // Полис. Политические исследования. 2014. № 3. С. 8-26; Weiler J. The Constitution of Europe, «Do the New Clothes have an Emperor?» and Other Essays on European Integration. Cambridge, 1998. P. 102-108.

²⁵ Силантьева М. В. Указ. соч. С. 8-26

глобального информационного общества представляют собой фактически взаимоисключающие задачи, что обусловлено сложностью государства сохранять контроль над информационной политикой в условиях высокой интеграции в глобальное информационное общество²⁶. Но сами по себе информационно-коммуникационные не могут оказывать воздействие на суверенитет как на международно-правовой принцип. Допущение подобного предположения будет означать признание концепции делимости и ограничения суверенитета.

Существующее вне государственных границ информационно-коммуникационное пространство безусловно содержит в себе немало вызовов для глобальной безопасности, суверенитета и национальных интересов отдельных стран. В п. 48 Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г. отмечено, что быстрое развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства. В связи с чем, как отмечено в Стратегии, одной из задач реализации государственной политики в целях обеспечения информационной безопасности является повышение защищенности и устойчивости функционирования единой сети электросвязи РФ российского сегмента сети "Интернет", иных значимых объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры, а также недопущение иностранного контроля за их функционированием²⁷.

Таким образом, факт существования таких угроз должен являться основанием не для выстраивания концепции о неминуемой десуверенизации государств, а для разработки и принятия дополнительных мер по усилению государственного контроля в отношении информационного пространства, а

²⁶ Абдрахманов Д.В. Государственный суверенитет и информационное общество: взаимосвязь и взаимозависимость//Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2016. Т. 16. № 4. С. 66-72.

²⁷ Указ Президента РФ от 2.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»//СЗ РФ. 2021. №27(ч.II). Ст. 5351.

также мер по информационной безопасности. Именно эти меры укладываются в понимание эффективного и устойчивого управления киберпространством.

В международно-правовой доктрине в качестве аргументации о невозможности ограничения суверенитета использовались доводы о том, что государства не передают международным организациям суверенные права, а наделяют их определенными полномочиями²⁸, что является мерой согласования волеизъявления государств, проистекающей из суверенитета²⁹.

Вряд ли можно говорить о возможном размывании государственного суверенитета России в условиях ее участия в деятельности международных организаций и международных договоров, принимая во внимание Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»...». Как отмечено в Постановлении заключение Россией международных договоров и участие в межгосударственных объединениях не означает ее отказа от государственного суверенитета, а также не исключается возможность противоречия Конституции России международного договора, который изначально при присоединении к нему России и по его буквальному смыслу, и по смыслу, придававшемуся ему в процессе применения межгосударственным органом, соответствовал Конституции России, но впоследствии посредством толкования был содержательно конкретизирован таким образом, что вступил в противоречие с ее положениями³⁰.

В новой редакции Конституции РФ в ст. 79 предусмотрено, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений

²⁸ Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М.: Спарк, 2000. С. 141; Нерсесянц В.С. Процессы универсализации права и государств в глобализирующемся мире // Государство и право. 2005. № 5. С. 46.

²⁹ Гаврилов В.В. Международное право в эпоху глобализации: некоторые понятийные и содержательные характеристики // Московский журнал международного права. 2002. № 3. С. 188; Международное право: учебник / Под ред. Колосов Ю.М., Кузнецов В. И.- М.: Международные отношения, 1998. С.33.

³⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2015 № 21-П // Российская газета. № 6734 (163).

международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации³¹.

Государство самостоятельно в рамках добровольно принимаемых на себя обязательств по реализации внешней и внутренней политики определяет тот круг вопросов, в отношении которых могут быть заключены договорные отношения с другими государствами.

Следует подчеркнуть, что нормативное закрепление суверенитета не может совпадать с проявлением суверенитета в политической жизни. Подход, в соответствии с которым суверенитет отождествляется независимостью и полновластием государства, которые проявляются фактически на текущий момент, представляет собой реалистическую концепцию суверенитета. Если принять во внимание, что сейчас практически нет государств, которые не были бы связаны международными договорами и теми или иными ограничениями при реализации своей политики, то в соответствии с данной концепцией трудно найти реально суверенное государство.

Наиболее убедительными представляются доводы ученых, разделяющих формальную или юридическую концепцию суверенитета, согласно которой суверенитет рассматривается качественным, имманентным свойством, которое есть априори у каждого государства и в отношении которого не предполагается использование таких количественных показателей, как размер, объем, полнота или неполнота. Здесь, необходимо согласиться с профессором И.В. Лексиним, что стремление придать понятию государственного суверенитета непосредственную связь с реальностью приводит к выхолащиванию содержания данной категории, поскольку задача юридического понятия государственного суверенитета, представляющего собой искусственно сконструированную сущность служит для конструирования жизнеспособной схемы международно-политических

³¹ Конституция РФ от 12.12.1993 г. (ред. от 1.07.2020 г.). // Российская газета 1993. № 237. 2020. № 144.

отношений, понимания политико-правового порядка, а не для отражения реальной картины фактических межгосударственных отношений³².

Следует отметить, что сами по себе глобализационные или глокализационные процессы, равно как и информационно-коммуникационные, не могут оказывать воздействие на суверенитет как на международно-правовой принцип. Допущение подобного предположения будет означать признание концепции делимости и ограничения суверенитета. Между тем государственный суверенитет относится к качественной, статичной категории, которая не предполагает использования таких количественных показателей в отношении суверенитета, как размер, объем, полнота или неполнота. С.В. Черниченко справедливо замечал, что буквальное понимание механизма ограничения суверенитета в результате заключения международных договоров влечет за собой признание, что разные государства, будучи связанными различными международными договорами, имеют и различный объем своих суверенитетов³³. В этой связи автор делал акцент на суверенных правах (полномочиях), которые могут быть ограничены нормами международного права, а не на самом суверенитете, представляющим собой основу суверенных прав³⁴. Данная позиция, выражающаяся в понимании государственного суверенитета как качественной категории, носящей абсолютный характер, и формально-юридической возможности обладания определенным количественным набором суверенных полномочий (правоспособности государства), перечень которых может, как расширяться, так и сокращаться, была также поддержана в российской доктрине (Д.В. Галушко, А.А. Моисеев, И.И. Осветимская)³⁵.

³² Лексин И.В. Суверенитет и государство: концептуальные взаимосвязи и расхождения // Российское право: образование, практика, наука. 2018. №3. С. 17-29.

³³ Черниченко С.В. Делим ли государственный суверенитет? // Евразийский юридический журнал. 2010. № 12. С. 25–31.

³⁴ Там же.

³⁵ Галушко Д.В. О суверенитете государства в международном праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 1 (14). С. 366–374; Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве: в контексте глобализации: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М.,

В связи с этим следует отметить, что мнение о подлинном суверенитете как об «абсолютном фантазме»³⁶, в силу того, что государство связано политической, социальной и экономической реальностью, которая ограничивает его самостоятельность и независимость, является ложным. Взаимодействие государств на международном уровне, безусловно, в той или иной степени детерминирует внутренний и внешний курс государств. Они осуществляют поиск компромиссных направлений, корректировку и адаптацию своих позиций в экономической, политической, социальной и иных сферах. «Дистиллированное», изолированное бытие государства в международном сообществе в современную эпоху фактически нереализуемо. Но из этого совершенно не следует, что в результате такого взаимодействия государства утрачивают или ограничивают свой суверенитет.

Таким образом, связанность государства политическими, экономическими, социальными, и иными обязательствами, как на внутренней, так и на внешней арене оказывает воздействие не на сам суверенитет как международно-правовой принцип, а на реализацию суверенных прав государства. При этом принцип суверенного равенства государств остается незыблемым.

В научной литературе зачастую суверенитет подразделяют на различные категории: экономический, политический, налоговый, информационный и др.³⁷.

Имеет место и обратный призыв к рассмотрению единого понятия государственного суверенитета применительно к той или иной сфере (И.Л.

2007. С. 26; Осветимская И.И. Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации//Правоведение.2017. №2. С. 150-167.

³⁶ Иванов В. Государство и суверенитет. Спор о суверенитете // Русский журнал. 2009. 28 сентября // URL:<http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Gosudarstvo-i-suverenitet> (дата обращения: 10.05.2023).

³⁷ Шахмаметьев А.А. Налоговый суверенитет и налоговая юрисдикция государства // Современное право. 2013. № 3. С. 76–81; Избулатов Х.Х. Методологический инструментарий политико-правового исследования понятия «экономический суверенитет» // Философия права. 2007. № 3. С. 139–141; Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Проблема государственного суверенитета в современных геополитических условиях // Управленческое консультирование. 2016. № 3 (87). С. 14–23.

Бачило, Э.В. Таллапина, С.В. Черниченко)³⁸. Нецелесообразность раздробления государственного суверенитета на различные составляющие аргументируется С.В. Черниченко трудностями составления примерного перечня и определения каждого из этих видов суверенитета³⁹.

В доктрине представлено немало понятий суверенитета в одной только информационной сфере: «технологический суверенитет», «сетевой суверенитет», «суверенитет в киберпространстве» и т.п.

Необходимость в определении каждого из указанных видов суверенитета, как представляется, отсутствует. Классификация суверенитета на различные категории: «экономический», «политический», «налоговый», «информационный» и другие носит условный характер, поскольку государство, осуществляя свои суверенные полномочия в каждой из указанных сфер, обладает равной мерой самостоятельности и независимости.

По мнению А.И. Капустина, такого рода детализация сферы реализации суверенитета являются попытками его уточнения, приспособления к каким-либо аспектам государственной политики и такой подход следует рассматривать не иначе как стремление привлечь внимание к угрозам государственному суверенитету в различных сферах международных отношений.... суверенитет является прежде всего неотъемлемым качеством государства, поэтому появление какой-либо новой среды взаимодействия государств, какой является ИКТ-среда, не может отменить или заменить суверенитет⁴⁰.

Особый подход может быть продемонстрирован в отношении установления суверенитета государства в такой специфичной сфере информационно-коммуникационного пространства, как киберпространство.

³⁸ Бачило И.Л. Понятийный аппарат информационного права и система обеспечения информационной безопасности // Труды ИГП РАН. 2016. № 3. С. 14; Таллапина Э.В. Государственный суверенитет в информационном пространстве: новые задачи права // Государство и право. 2018. № 5. С. 60-67; Черниченко С.В. Указ. соч. С. 25–31.

³⁹ Черниченко С.В. Указ. соч. С. 25–31.

⁴⁰ Капустин А.И. Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 6. С.99-108.

Также как в определениях политического, экономического, финансового суверенитета ключевое значение здесь имеет категория «суверенитет государства», представляющая собой неизменное качество, свойство в виде верховенства государства в пределах собственных границ и самостоятельности в международных делах. Между тем принципиальным отличием проявления суверенитета в киберпространстве является невозможность сведения его границ к границам физического пространства, что ставит вопрос о принципах реализации территориального верховенства государства в отношении указанного пространства.

В доктрине вопрос о проявлении суверенитета в киберпространстве часто поднимается при исследовании информационного суверенитета. Понятие информационного суверенитета возникло еще до появления киберпространства, в силу чего информационный суверенитет наделяется более широким содержанием в виде верховенства и независимости государства при формировании и реализации информационной политики, имеющей целью реализацию национальных интересов государства в области безопасности в информационном пространстве, информационной сфере, информационном сегменте⁴¹.

В ряде определений информационного суверенитета пространственные пределы суверенитета в информационной сфере зачастую обозначают пространственными пределами верховенства государства над национальным сегментом телекоммуникационной среды и прежде всего сети Интернет⁴² или же виртуальной реальностью, представляющей собой кибернетическое пространство⁴³. Такой подход можно объяснить встречающимся в научной

⁴¹ Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства //Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С.201-215; Кучерявый М.М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2015. № 2. С. 11.

⁴² Стрельцов А. Указ. соч. С. 88-106.

⁴³ Поликарпов В.С., Поликарпова Е.В. Новейшие информационно-коммуникационные технологии и информационный суверенитет России// Информационное противодействие угрозам терроризма. 2014. № 23. С. 279-284.

литературе отождествлением киберпространства с информационным пространством и виртуальным пространством⁴⁴.

В данном случае сферы проявления суверенитета существенно отличаются по объему, принимая во внимание, что киберпространство является одним, пусть и значимым, но элементом информационного пространства, понятие которого является весьма широким и не сводимым к одному лишь киберпространству.

Если экстраполировать базовое определение суверенитета на киберпространство, то суверенитет в киберпространстве можно определить как верховенство и независимость государства в отношении искусственной телекоммуникационной среды реализации общественных отношений, функционирование и поддержание которой осуществляется программно-технической инфраструктурой в виде ее физической части (телекоммуникационные сети, компьютеры, серверы, маршрутизаторы, процессоры, спутники и др.) и нефизической (виртуальной) части (операционные системы, стандарты передачи данных, аппаратные приложения, программное обеспечение и др.).

В российском праве присутствует понятие технологического суверенитета. Так, в Постановлении Правительства от 28 декабря 2022 г., а также в Концепции технологического развития на период до 2030 г. технологический суверенитет определяется похожим образом. В Постановлении Правительства дается более общее определение технологического суверенитета, а именно устойчивая возможность Российской Федерации реализовывать государственные цели и задачи в сферах социально-экономического развития, безопасности и иных сферах, на основе разработки, внедрения и использования технологий и стимулирования технологических инноваций в соответствующих направлениях деятельности

⁴⁴ Ваганов П.А. Правовая защита киберпространства в США// Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 4 (267). С. 73-89.

государства⁴⁵. В Концепции технологического развития на период до 2030 г. технологический суверенитет фактически обозначает наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы⁴⁶. В соответствии с концепцией технологический суверенитет обеспечивается в двух основных формах - исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий (по установленному перечню) и производство высокотехнологичной продукции, основанного на указанных технологиях.

Технологии практически обеспечивают суверенитет в киберпространстве, функционирование которого опирается на программно-техническую инфраструктуру, представленную в физической части (телекоммуникационные сети, компьютеры, серверы, маршрутизаторы, процессоры, спутники и др.) и нефизической (виртуальной) части (операционные системы, стандарты передачи данных, аппаратные приложения, программное обеспечение и др.).

Между тем, суверенитет в киберпространстве это не только сами технологии, но возможность независимого управления как аппаратной так и содержательной частью в пределах национальной доменной зоны и возможность осуществления независимой политики в части использования ресурсов киберпространства за пределами доменной зоны. Если закладывать в понимание суверенитета в киберпространстве такие же прагматические цели, то практическое его понимание должно быть основано как на цифровой

⁴⁵ Постановлении Правительства РФ от 28 декабря 2022 г. N 2478 "Об утверждении Правил управления реализацией мероприятий программ и проектов Национальной технологической инициативы, результаты которых направлены на решение задач обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации"

⁴⁶ Концепция технологического развития на период до 2030, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 20 мая 2023 г. N 1315.

демаркации, а именно выделении киберпространственных границ, в отношении которых устанавливается верховенство соответствующего государства, так и возможность независимого равноправного управления киберпространством на основе модели многостороннего управления.

Информационное влияние осуществляется преимущественно с использованием он-лайн технологий. В этой связи, внимание должно быть сосредоточено в равной степени на угрозах технологического свойства, так и на угрозах, которые реализуются в самом киберпространстве.

При этом следует отметить, что именно общность, единство технологий на сегодняшний день обеспечивает глобальное киберпространство. Разобщенность технологий может привести к фрагментации киберпространства, когда каждая страна или группа стран создаст свое собственное отдельное киберпространство.

Встречается в доктрине и еще более узкий подход, в рамках которого дается определение сетевого суверенитета в виде верховенства государства по формированию и осуществлению национальной политики по контролю и регулированию на своей территории деятельности социальных сетевых структур, а также пресечению на территории других стран деятельности сетевых структур, направленной на нарушение собственных конституционных основ и конституционной безопасности⁴⁷. Указанное определение не уточняет, что именно понимается под сетевыми структурами: социальные сети, технологическая инфраструктура или другое? Имеется ли в виду установление суверенитета в отношении сетевого оборудования, обеспечивающего бесперебойное функционирование данных социальных сетевых структур, или же в отношении размещенной в сети информации в рамках той или иной доменной зоны государств, или же в отношении социальных сетей, пользователями которых являются лица соответствующих государств.

⁴⁷ Шарифов М.Ш. Указ. соч. С. 40–44.

В этой связи более целесообразной является постановка вопроса установления суверенитета не в отношении социальных сетевых структур, или технологической инфраструктуры, поддерживающей оперативную работу последних, а в отношении киберпространства, которое включает в себя все вышеперечисленные составляющие.

При этом понимание управление Интернетом должно осуществляться в широком контексте, не ограничиваясь только техническим функционированием киберпространством, выработкой технических протоколов и стандартов, но и включать в себя вопросы связанные с правовым, экономическим и социокультурным развитием общества. Так еще в 2005 г. на втором заседании Оргкомитета Тунисского раунда Саммита в предварительном отчете Рабочей группы было обозначено, что управление Интернет подразумевает более широкий спектр вопросов, чем распределение адресного пространства и администрирование системы доменных имен⁴⁸.

Если нормативное понимание суверенитета имеет презумптивный характер и может не совпадать с текущими возможностями государства по реализации государственной политики, то иначе обстоит дело с концепцией управления киберпространством, которая имеет реальное содержание. На сегодняшний день управление фактически сосредоточено в руках корпораций, находящихся в зоне юрисдикции США. Взаимозависимость концепций суверенитета и управления проявляется в том, что установление суверенитета в отношении киберпространства возможно только в отношении контролируемого государством пространства. Именно поэтому зачастую вопросы управления и суверенитета поднимаются специалистами синхронно.

Интересная полемика относительно суверенитета и концепций управления киберпространством сложилась между старшим советником

⁴⁸ Завершилось второе заседание Рабочей группы ООН по управлению Интернетом//<https://ifap.ru/pr/2005/050221a.htm>. Tunis Agenda for the Information Society. WSIS-05/TUNIS/DOC/6(Rev. 1)-E. (18 November 2005). World Summit on the Information society, 2005.

Китайского международного института стратегического развития Хао Ели (Hao Yeli), автора многочисленных работ по вопросам регулирования отношений в киберпространстве и обеспечению национальной кибербезопасности, и американскими специалистами по кибербезопасности. В открытом письме Хао Ели была предложена теория трех перспектив, в соответствии с которой успешность правового регулирования отношений в киберпространстве, которое автор разделяет на три уровня: инфраструктуру, приложение и ядро, достигается при равном учете интересов государства, гражданина и международного сообщества⁴⁹.

Согласованность интересов международного сообщества и государства автор видит в передаче государством некоторой части своего национального суверенитета, что способствует культурному обмену, экономическому сотрудничеству и кибербезопасности. Так, в отношении нижнего уровня киберпространства - физическая и техническая инфраструктура - по мнению автора, суверенитет может быть передан международному сообществу в целях установления единого международного стандарта взаимодействия; средний уровень - приложения, интернет-платформы должен управляться на основе многостороннего совместного управления с участием многих заинтересованных сторон, а также баланса между свободой и порядком; верхний уровень, составляющий ядро киберпространства, к которому автор относит законодательство, политическую безопасность и идеологию, отнесен к прерогативе национальных государств. Предложение дифференцированного управления Интернетом было озвучено еще в 2003 г. в п. 49 Декларации принципов Построения информационного общества, где полномочия по связанным с Интернетом вопросам государственной политики (в т.ч. вопросы государственной политики международного уровня) были отнесены к суверенному праву государств и межправительственным организациям;

⁴⁹A Three-Perspective Theory of Cyber Sovereignty by Rtd. Major General Hao Yeli// <https://www.belfercenter.org/publication/governing-cyberspace-state-control-vs-multistakeholder-model>.

частному сектору была отведена роль в развитии Интернет, как в технической, так и в экономической сфере; международные организации должны разрабатывать относящиеся к Интернет технические стандарты и соответствующие политики⁵⁰.

Сама передача суверенитета международному сообществу вызывает определенные вопросы. Как справедливо отмечено А.Я. Капустиным, международное сообщество не представляет собой суверенное объединение государств и сам факт суверенитета государств не дает ни малейших оснований предполагать, что качество суверенитета может появиться также у неформального их объединения⁵¹. Если имеется в виду передача определенных полномочий по управлению киберпространством на основе международного договора международной организации, то такого рода инициативы были сформулированы давно, начиная с момента создания механизма распределения адресного пространства в сети Интернет, в связи с обеспокоенностью превалирующей ролью США в сфере управления Интернетом. Так, МИД России неоднократно предлагал пересмотр существующей модели и передачу отдельных либо всех функций IANA Международному союзу электросвязи (МСЭ)⁵². На проводимых по инициативе ООН Всемирных встречах по вопросам информационного сообщества в Женеве в 2003 г. и в Тунисе в 2005 г. Китай призывал к созданию новой международной организации, Франция выступала за создание межправительственного контроля, осуществляемого группой избранных

⁵⁰ Декларация принципов Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии. Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R 12 декабря 2003 года. https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf.

⁵¹ Капустин А.И. Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 6. С.99-108.

⁵² Итоговый отчет по стратегии ICANN от 23.05.2014. URL: <https://www.icann.org/ru/system/files/files/ig-ecosystem-report-23may14-ru.pdf> (дата обращения: 20.07.2023). В Основах государственной политики РФ в области международной информационной безопасности до 2020 г. сформулирована цель интернационализации управления информационно-телекоммуникационной сетью Интернет и увеличение в этом контексте роли Международного союза электросвязи.

демократических стран⁵³. Руководство Европейского Союза предлагало создание международной организации для регулирования Интернета⁵⁴. Бразилия в ходе совещаний на 48-й конференции ICANN в Буэнос-Айресе высказывала предложение о необходимости отведения главной роли в управлении Интернетом ООН⁵⁵.

Между тем, передача функций некоммерческой корпорации ICANN международной организации не поддерживается США, которые являются страной регистрации соответствующей корпорации. В этой связи, говорить о возможном равноправном международном управлении киберпространством вообще не приходится.

Таким же спорным выглядит тезис Хао Ели о выделении отдельного уровня, составляющего ядро киберпространства, к которому автор относит законодательство, политическую безопасность и идеологию. Отношения в рамках функционирования киберпространства на любом уровне не может быть освобождено от законодательства соответствующего государства, в связи с чем выделение области национальной безопасности, политики и законодательства в отдельный самостоятельный уровень практически невозможно.

Справедливо отмечено в работе Н.А. Истомина, который, цитируя п. 49 Декларации принципов Построения информационного общества⁵⁶, где разграничиваются вопросы государственной политики, касающейся Интернета, и вопросы «повседневной деятельности технического и

⁵³ Кукьер К.Н. Кто будет контролировать Интернет // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 1. С. 39–48.

⁵⁴ Зиновьева Е.С. Международное управление Интернетом: проблемы, подходы, перспективы // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 6 (15). С. 167–174.

⁵⁵ Итоговый отчет по стратегии ICANN от 23.05.2014. URL: <https://www.icann.org/ru/system/files/files/ig-ecosystem-report-23may14-ru.pdf> (дата обращения: 20.07.2023). В Основах государственной политики РФ в области международной информационной безопасности до 2020 г. сформулирована цель интернационализации управления информационно-телекоммуникационной сетью Интернет и увеличение в этом контексте роли Международного союза электросвязи.

⁵⁶ Декларация принципов Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии. Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R 12 декабря 2003 года. https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf.

эксплуатационного характера», ставит под сомнение возможность разграничения между вопросами государственной политики и сугубо техническими аспектами⁵⁷. Автором отмечается, что в управлении Интернетом нет таких вопросов, которые нельзя было бы отнести прямо или косвенно к публичной политике и которые не могли бы стать объектом государственного регулирования, а значит государства всегда в той или иной степени будут участвовать во всех аспектах управления Интернетом⁵⁸.

Таким образом, следует подчеркнуть взаимозависимость концепций суверенитета и управления киберпространством, принимая во внимание, что установление суверенитета в отношении киберпространства возможно только в отношении пространства, которое контролируется государством или государствами на основании согласования воли. Если нормативное понимание суверенитета, имеет презумптивный характер и может не совпадать с текущими возможностями государства по реализации государственной политики, то иной характер носит концепция управления киберпространством, которая имеет реальное содержание, заключающееся в том, что *de facto* управление сосредоточено в руках корпораций, находящихся в зоне юрисдикции США.

Концепции, положенные в основу модели мультистейкхолдеризма и нигилистической концепции десуверенизации государства в цифровую эпоху также взаимообусловлены. Популяризация концепции мультистейкхолдеризма, обосновывающей устойчивость децентрализованного механизма саморегулирования отношений в киберпространстве иностранными частными организациями в соответствии с нормами мягкого права, логически приводит к формированию восприятия киберпространства как *terra nullius*, а именно пространства, свободного полностью или частично от правового регулирования того или иного государства и, как следствие, обоснованию

⁵⁷ Истомина Н.А. Модель участия заинтересованных сторон в управлении Интернетом на международном уровне // Право и политика. 2020. № 5. С. 90 - 109.

⁵⁸ Там же. С. 90 - 109.

невозможности установления суверенитета в отношении киберпространства. Между тем, на сегодняшний день, когда киберпространство пронизывает все сферы общественной жизни, ни одна из этих сфер не может быть исключена из правового поля соответствующего государства, будь то публично-правовые отношения (вопросы обеспечения безопасности, предотвращения киберугроз, кибератак, поддержание устойчивого и бесперебойного функционирования информационной инфраструктуры) или отношения частного характера (электронная коммерция трансграничный оборот интеллектуальной собственности).

Именно поэтому в целях эффективного и устойчивого управления киберпространством должны быть разработаны и приняты дополнительные меры по усилению государственного контроля в отношении информационного пространства. Провозглашаемая рядом стран, преимущественно входящих в ШОС, концепция установления суверенитета в киберпространстве может быть выстроена только в отношении контролируемого государством пространства на основе модели многостороннего управления, в рамках которой решающая роль в управлении отводится государством. При этом управление киберпространством не может быть лимитировано ограниченным кругом вопросов будь то вопросы государственной политики или разработки технических стандартов, политик, протоколов, принимая во внимание условность подобного разделения и имманентную взаимосвязь указанных вопросов.

2. Юрисдикция государства в киберпространстве

Обязательность решения проблемы по установлению юрисдикции в киберпространстве отражена также в Указе Президента от 9 мая 2017 г. «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы», в п. 17 которого отмечено, что государства вынуждены фактически «на ходу» адаптировать государственное регулирование сферы информации и информационных технологий в целях установления

международно-правовых механизмов, которые позволяли бы отстаивать суверенное право государств на регулирование информационного пространства, в том числе в национальном сегменте сети «Интернет»⁵⁹.

Как отмечено нидерландским ученым А. Лоддер, закон может быть применен только в том случае, если определена юрисдикция и, если юрисдикция имеет дело с территорией, то необходимо связать то, что происходит в киберпространстве, с конкретной страной, пользователем, компьютером⁶⁰.

Освоение новых специфичных сред реализации общественных отношений, функционирующих вне географических, материальных зон обусловило постановку вопроса, сохраняется ли значимость территории как правовой формы осуществления суверенитета и юрисдикции государства.

В доктрине международного публичного права территориальный принцип юрисдикции относится к числу основных ее принципов, наряду с персональным принципом; охранительным принципом, направленным на защиту государственных интересов; и универсальным принципом, направленным на защиту международного порядка⁶¹.

Возможность предписывать правила поведения (законодательная юрисдикция), определять правомерность такого поведения (судебная юрисдикция) и обеспечивать соблюдение двух первых велений

⁵⁹ СЗ РФ. 2017. № 20. ст. 2901.

⁶⁰ Lodder A. R. Ten Commandments of Internet Law Revisited: Basic Principles for Internet Lawyers// Information & Communications Technology Law, 2013. Vol. 22. № 3// [URL:http://ssrn.com/abstract=2343486](http://ssrn.com/abstract=2343486) (дата обращения: 12.08.2023).

⁶¹ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: ВолтерсКлувер, 2008. С. 330; Каюмова А.Р. Указ. соч. С. 102; Толстых В.Л. Курс международного права: учебник. М.: Проспект, 2018. С. 279-284; Хименес де Аречага Э. Современное международное право. М.: Прогресс, 1983. С. 272; Черниченко О.С. Указ. соч. С.41; Akehurst M.A. Modern Introduction to International Law. Fifth edition. London, 1985. P. 103; Chehtman A. The Philosophical Foundations of Extraterritorial Punishment. Oxford University Press, 2010. P. 56; Jiménez W.G. Op.cit.// [URL:http://dx.doi.org/10.11144/Javeriana.ill5-26.rood](http://dx.doi.org/10.11144/Javeriana.ill5-26.rood) (дата обращения: 21.06.2023); Mann F.A. Studies in International Law. Oxford, 1973. P.31; Zerk J. A. Extraterritorial Jurisdiction: Lessons for the Business and Human Rights Sphere from Six Regulatory Areas. Working Paper № 59, Harvard Corporate Social Responsibility Initiative, 2010. P. 18; Mills A. Op. cit. P. 196.

(исполнительная юрисдикция) в доктрине обозначена в качестве единого правового механизма государственной власти, который в полном объеме может функционировать только в пределах территориального верховенства⁶².

Более того, в некоторых определениях юрисдикция наряду с обозначением в качестве государственной власти в отношении лиц и имущества, расположенных в пределах территории соответствующего государства, и в качестве судебных полномочий по разрешению определенного спора, понимается также как географическое пространство, в пределах которого государственные полномочия могут быть осуществлены⁶³.

Территориальность как фактор, обуславливающий реализацию юрисдикции, была зафиксирована в первых двух принципах классификации голландского ученого Ульрика Губера «О коллизии законов в различных государствах» («*De conflictu legum diversarum in diversis imperiis*»):

1. законы каждого государства имеют силу только в пределах своего государства и распространяются на всех лиц, находящихся на его территории постоянно или временно;

2. лица в рамках каждого государства, независимо от того, проживают они там постоянно или временно, считаются его подданными⁶⁴.

Территориальный аспект юрисдикции отмечается в международно-правовых актах, где юрисдикция, как правило, рассматривается с точки зрения распространения суверенной власти государств-участников на какие-либо объекты или определенные участки территории, а также как проявление территориального верховенства. Так, в ст. 2 Проекта Декларации прав и

⁶² Зимненко Б.Л. О применении норм международного права судами общей юрисдикции: Справочное пособие. Статут; РАП., 2005//URL: <https://www.lawmix.ru/commlaw/1450> (дата обращения: 17.02.2023); Каюмова А.Р. Указ. соч. С. 149.

⁶³ Raut B. Determining the judicial jurisdiction in the transnational cyberspace. School of law Queensland University of Technology, 2004. P. 22//URL: https://eprints.qut.edu.au/15830/1/Bimal_Raut_Thesis.pdf (дата обращения:30.03.2023); Jiménez W.G. Op.cit.// URL:<http://dx.doi.org/10.11144/Javeriana.ill5-26.rood> (дата обращения: 21.06.2023); Ireland-Piper D. Extraterritorial Criminal Jurisdiction: Does The Long Arm of the Law Undermine The Rule Of Law? Extraterritorial Criminal Jurisdiction & the Rule of Law //Melbourne Journal of International Law. 2012. Vol. 13. P. 9-10.

⁶⁴ Lorenzen E.G. Huber's De Conflictu Legum// Illinois Law Review. 1919.Vol. 13. P. 375, 403.

обязанностей государств 1949 г. предусмотрено право каждого государства осуществлять юрисдикцию над своей территорией и над всеми лицами и вещами, находящимися в ее пределах, с соблюдением признанных международным правом иммунитетов⁶⁵, из чего можно выделить, как содержательный аспект юрисдикции, а именно совокупность властных полномочий (предписывающая, судебная, исполнительная юрисдикция), так и форму ее реализации – пространственное ограничение ее действия пределами государственной территории.

Связанность юрисдикции государства с территорией и ее развитием отражена в Конституции РФ. По смыслу статей 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции РФ, верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, распространяются именно на территорию Российской Федерации. В соответствии со ст. 67 Конституции РФ, территория Российской Федерации включает в себя территории ее субъектов, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними. Уникальными по своей природе объектами, приравненными по статусу к территории РФ, являются космические объекты. Положения о юрисдикции в международном космическом праве зафиксировано в Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г⁶⁶. В ст. 1 ФЗ «О Государственной границе» 1993 г. под территорией РФ понимается суша, воды, недра и воздушное пространство в пределах Государственной границы РФ, которая является пространственным пределом государственного суверенитета Российской Федерации⁶⁷.

⁶⁵ Проект Декларации прав и обязанностей государств от 6 декабря 1949 г. (принят Комиссией международного права ООН, резолюция 375 (IV) от 6 декабря 1949 г.)// Сборник документов "Международное право". М.: Юрид. лит, 2000.

⁶⁶ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Москва - Вашингтон – Лондон) 1967 г.//Ведомости Верховного Совета СССР. 1967. № 44. Ст. 588.

⁶⁷ Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»//Российская газета от 4 мая 1993 г. № 84.

В работе О.С. Черниченко территориальный принцип юрисдикции, а равно и иные ее принципы (принцип гражданства, универсальный принцип, охранительный принцип), отнесены к основе юрисдикции государств⁶⁸. В.Л. Толстых обращает внимание на то, что хотя международное право не предъявляет жестких требований к элементам, образующим государство – населению, территории, правительству, оно в то же время предъявляет требования к характеру имеющейся между ними связи, а именно, что связь должна выражаться в суверенной и эффективной власти правительства над населением государства в пределах его территории⁶⁹. При этом автор отмечает, что именно территория образует государство как *личность*, т.е. единый социальный организм, имеющий физические границы и управляемый одной волей⁷⁰.

В этой связи сложно согласиться с высказанной в иностранной доктрине позицией о том, что территория является условным обозначением сферы проявления юрисдикции, что объясняется учеными возможностью осуществления юрисдикции государств за пределами своих внутренних границ⁷¹. Придание условного характера территориальному принципу (критерию) установления юрисдикции позволяет сделать вывод о его необязательности и факультативности. Тогда как осуществление государством полной юрисдикции, а именно всей совокупности юрисдикционных полномочий, возможно только на соответствующей территории, которая является основой и пределами осуществления юрисдикции. При этом территория государства, будучи основой, условием реализации полной юрисдикции, не может быть отождествлена с ней.

Еще в начале XX в. Н.И. Палиенко сферу государственной власти ограничивал территорией государства, т.е. «пространственным пределом его

⁶⁸ Черниченко О.С. Указ. соч. С.41.

⁶⁹ Толстых В.Л. Курс международного права: учебник. М.: Проспект, 2018. С. 236-238.

⁷⁰ Там же. С.238.

⁷¹ Besson S. The Extraterritoriality of the European Convention on Human Rights: Why Human Rights Depend on Jurisdiction and What Jurisdiction Amounts to// Leiden Journal of International Law. 2012. № 25. P. 863.

властвованию, населением, живущим в пределах этой территории...»⁷². Территорию в качестве пространства, на которую простирается действие государственной власти, рассматривал также и Г.Ф. Шершеневич⁷³.

В современной доктрине сфера суверенитета и юрисдикции также ограничивается государственной территорией, которую относят к неотъемлемым признакам государства. В работах российских ученых говорится о зависимости государств от географического пространства⁷⁴; об отнесении территории к материальной базе, которая является естественным условием формирования государственности⁷⁵, существования функционирования государства⁷⁶; а также признаке, позволяющем отличить государство от других субъектов международного права⁷⁷. Исключительно территориальное измерение юрисдикции отмечено и в иностранной доктрине⁷⁸. Территория обозначена учеными и в качестве косвенной формы осуществления юрисдикции над людьми⁷⁹ и в качестве сущностного качества юрисдикции и суверенитета государства⁸⁰.

Принимая во внимание сложности реализации территориального суверенитета и юрисдикции государства в отношении киберпространства, английские ученые Н. Тсагориас и Р. Бучан сделали вывод об отсутствии

⁷² Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903. С. 438.

⁷³ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Т. I-II. М., издание Бр. Башмаковых 1910. С.200.

⁷⁴ Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник: в 2 т. Т. 1. - 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016//СПС-Гарант; Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права. Спб. 2005. С. 213.

⁷⁵ Оксамытный В.В. Общая теория государства и права. М.: ЮНИТИДАНА, 2012. С. 149.

⁷⁶ Международное публичное право: учебник/Под ред. К.А. Бекяшева. М.: Проспект, 2013. С.184. (автор главы V – К. А. Бекяшев); Черниченко О.С. Общая характеристика юрисдикции государств в сфере межгосударственных отношений// Российский ежегодник международного права. М. 2002.С.174.

⁷⁷ Международное право: учебник для бакалавров/Под ред. А.Я. Капустина. М.: Издательство Юрайт, 2014. С.143.

⁷⁸ Витцум В.Г. и др. Международное право. М.; Берлин: Инфотропик Медиа, 2011. С. 240-241; Bartelson J. A Geneology of Sovereignty. Cambridge University Press, 1995. P.26.

⁷⁹ Besson S. Op. cit. P.874.

⁸⁰ Ryngaert C. Introduction: Port State Jurisdiction: Challenges and Potential //The International Journal of Marine and Coastal Law. 2016. № 31. P. 381; Buxbaum H.L. Territory, Territoriality, and the Resolution of Jurisdictional Conflict// American Journal of Comparative Law. 2009. Vol. 57. P. 635.

неотъемлемой связи между территорией, с одной стороны, и суверенитетом и юрисдикцией, с другой стороны⁸¹. Авторы отказали суверенитету и юрисдикции в территориальном признаке только на том основании, что территория не включает в себя виртуальное пространство, в котором реализуются отношения между людьми.

По мнению ученых, возможность осуществления государством экстратерриториальной юрисдикции в отношении объектов и деятельности в виртуальном киберпространстве свидетельствует о том, что сущностью суверенитета является власть и властные полномочия, а не территория, которая, по словам авторов, выполняет лишь функции «контейнера» власти, не обнаруживая при этом никакой связи с юрисдикцией и суверенитетом⁸².

Указанная точка зрения не является бесспорной, поскольку из возможности осуществления государством экстратерриториальной юрисдикции не следует со всей безусловностью, что понятие «территория» теряет свое юридическое значение. Во-первых, в понятии «экстратерриториальный» присутствуют территориальные характеристики, которые выражаются в том, что юрисдикция выходит за рамки территории определенного государства и ориентирована на территории других государств. Во-вторых, реализация экстратерриториальной юрисдикции, как правило, имеет место в исключительных случаях в качестве юрисдикции «последнего уровня», основанием которой является защита определенных государственных и универсальных интересов⁸³. Между тем, киберпространство является площадкой реализации различных отношений, применение к которым юрисдикции «последнего уровня» не является

⁸¹ Tsagourias N. Buchan R. Reserch Handbook on International Law and Cyberspace. Edward Elgar Publishing. Cheltenham. UK Northampton MA USA, 2015. P.18.

⁸² Ibid. P.20.

⁸³Blum J. M., Steinhardt R.G. Federal Jurisdiction over International Human Rights Claims: The Alien Tort Claims Act After *Filartiga v. Pena-Irala*// Harvard International Law Journal. 1981. Vol.22. P.60-62; Alford R.P. The Extraterritorial Application of Antitrust Laws: The United States and European Community Approaches//Virginia Journal of International Law. 1992-1993. Vol.33. №.1. P.4; Салгереев А.С. Особенности юрисдикции в международном уголовном праве//Международное публичное и частное право. 2010. №3 (54). С.31-34.

достаточным.

Когда речь идет об осуществлении полной юрисдикции (предписывающей и исполнительной) государства, государственная территория является атрибутивным признаком юрисдикции⁸⁴. В противном случае юрисдикция не может быть реализована, если ее границы неизвестны⁸⁵.

Таким образом, указанное не позволяет согласиться с выводом ученых об устаревании территориальной юрисдикции в связи с расширением границ общения субъектов в условиях развития информационных технологий и сети Интернет, а также ослаблением национальных государств как политических субъектов⁸⁶. Соответственно, обозначенная в доктрине концепция о том, что суверенитет и юрисдикция на фоне развития киберпространства не опираются на территорию, является оспоримой⁸⁷.

Установление юрисдикции государства в отношении киберпространства на основании территориального принципа было в свое время обосновано американским ученым Дж. Голдсмитом. По мнению Дж. Голдсмита, регулирование отношений, реализуемых в киберпространстве, может быть осуществлено на основе территориального принципа ровно в той же степени, как это может быть осуществлено применительно к отношениям, не связанным с киберпространством⁸⁸.

Соглашаясь в целом с автором о допустимости применения территориального принципа установления юрисдикции применительно к отношениям в киберпространстве, нельзя в то же время отрицать проблематичность его применения. В отношении физической части

⁸⁴ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: ВолтерсКлувер, 2008. С.329-331; Международное право. Общая часть: учебник/ Под ред. Валева Р.М., Курдюков Г.И. М.: Статут, 2011. С. 325-327. (автор главы IX – Бакирова Г.Я.).

⁸⁵ Adams J., Albakajai M. Cyberspace: A New Threat to the Sovereignty of the State// Management Studies. 2016. Vol. 4. № 6. P. 256-265.

⁸⁶ Баранов В.М., Овчинников А.И., Самарин А.А. Экстерриториальное пространство права. М.: Проспект, 2018. С.33.

⁸⁷ Tsagourias N. Buchan R. Op. cit. P.20.

⁸⁸ Goldsmith J.L. The Internet and the Abiding Significance of Territorial Sovereignty// Indiana Journal of Global Legal Studies. 1998. Vol. 5. №.2. P. 475.

киберпространства, действительно, сложностей определения юрисдикции государства не возникает. В соответствии с Таллиннским руководством 2018 г. государства имеют исключительное право осуществлять юрисдикцию в отношении киберинфраструктуры и видов деятельности, которые находятся в пределах их суверенной территории⁸⁹. Между тем киберпространство может затрагивать несколько юрисдикций. Сложности возникают при реализации исполнительной юрисдикции, например, отношений в сфере использования интернет-телефонии, технологий блок-чейн или VPN-сервисов. В этом случае государство сталкивается с необходимостью реализации экстратерриториальной юрисдикции.

Как представляется, в целях решения проблемы верховенства государства в отношении информационно-коммуникационного пространства должен быть поставлен вопрос о возможном переосмыслении и расширении содержания понятия «территория государства» за счет включения виртуального пространства, не обладающего свойствами географической протяженности, а не опровергаться безусловная значимость территории как правовой формы осуществления юрисдикции и суверенитета. Научный анализ реализации юрисдикции в киберпространстве должен обуславливать поиск механизмов для выработки адаптивных критериев установления юрисдикции в отношении данного пространства, а не идти по пути отрицания существования данной проблемы, или же по пути признания факта невозможности осуществления юрисдикции.

Следует согласиться с А.А. Ефремовым в части необходимости простираения юрисдикции и суверенитета государства и в отношении информационного пространства, не совпадающего с конкретными

⁸⁹ Rule 1– Sovereignty, Tallinn Manual, at 15–17 (Nov. 10, 2018)// <http://insct.syr.edu/wp-content/uploads/2015/06/Tallinn-Manual-Sovereignty.pdf>. (дата обращения: 1.10.2023).

государственными территориями⁹⁰. В то же время спорным представляется тезис ученого о снижении правового значения территории⁹¹.

Категория «пространство» как альтернатива теории объекта собственности появилась во второй половине XIX века. Согласно данной концепции (И. Блюнчли, К.Фрикер, Ф.Лист, Г.Еллинек, Н.М.Коркунов, В.А.Незабитовский), территория рассматривалась не в качестве объекта собственности государства, а как пространство, в пределах которого государство осуществляет свою верховную власть – теория пространства (теория предела)⁹². Хотя основной целью данной концепции являлось выступление против заимствования гражданско-правовых концепций вещного права для объяснения природы территории в международном праве, определение территории через категорию пространства, как предела осуществления государственной власти, является весьма прогрессивным в целях «примирения» территориальной концепции суверенитета и юрисдикции государства и внетерриториального информационно-коммуникационного пространства.

Традиционно в большинстве доктринальных понятий территория государства определяется через понятие «пространство» посредством перечисления определенных пространственных единиц. Под территорией государства в доктрине понимается пространство, в пределах которого осуществляется государственная власть (М.Н. Марченко)⁹³, также территория

⁹⁰ Ефремов А. А. Информационное пространство как сфера реализации государственного суверенитета // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 1 (28). С. 22–30.

⁹¹ Там же.

⁹² Каюмова А.Р. Указ. соч. С. 48.

⁹³ Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник: в 2 т. Т. 1. М.: Проспект, 2016//СПС-Гарант; Международное право: учебник /Под ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова. М.: Норма, 2013. С.574. (автор пар.1 главы 19 – В.Я. Суворова); Международное право: учебник для бакалавров/Под ред. А.Я. Капустина. М.: Изд-во Юрайт, 2014. С.218.

определяется в качестве границы сферы действия нормативных предписаний (Л.Н. Галенская, А.В. Поляков)⁹⁴.

К составным частям территории государства относятся: земля и ее недра, образующие сухопутную территорию; реки, озера, искусственные водохранилища, а также морские внутренние и территориальные воды, омывающие территорию данного государства (водная территория государства); воздушное пространство над сухопутной и водной территорией (воздушная территория государства)⁹⁵.

Термин «условная территория» государства используется в отношении находящихся под его юрисдикцией расположенных вне пределов государственной территории объектов: морские, воздушные речные суда, космические корабли, станции и другие космические объекты, искусственные острова и сооружения в море, на его дне, в Антарктике, помещения дипломатических и консульских представительств⁹⁶.

По мере исторического развития содержание понятия «территория государства» не являлось статичным. В результате воздействия политических, экономических, географических, а также технологических факторов понимание территории эволюционировало. Еще в начале XX века

⁹⁴Галенская Л.Н. Правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 35-38; Поляков А.В., Тимошина Е.В. Указ. соч. С. 261.

⁹⁵ Бошно С.В. Государство// Право и современные государства. 2013. №6. С. 69; Мирзоев А.К. Императивное и диспозитивное правовое регулирование: проблемы проявления внутренних качеств суверенитета//Правовое поле современной экономики, №7, 2015. С. 58-69; Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник: в 2 т. Т. 1. М.: Проспект, 2016//СПС-Гарант; Международное право: учебник/ Под ред. К.К. Гасанова, Д.Д. Шалягина. М.:ЮНИТИДАНА: Закон и право, 2012. С. 172; Международное право: учебник для бакалавров/Под ред. А.Я. Капустина. М.: Издательство Юрайт, 2014. С.143; Международное право: учебник /Под ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова. М.:Норма, 2013. С.576. (автор пар.2 главы 19 – П.И. Савицкий); Международное публичное право: учебник/Под ред. К.А. Бекашева. М.: Проспект, 2013. С.545. (автор главы XXVI – К. А. Бекашев); Поляков А.В., Тимошина Е.В. Указ соч. С. 213; Оксамытный В.В. Указ. соч. С. 149.

⁹⁶ Международное право: учебник/Под ред. К.К. Гасанова, Д.Д. Шалягина. М.:ЮНИТИДАНА: Закон и право, 2012. С. 177; Международное право: учебник /Под ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунова. М.: Норма, 2013. С.576-577. (автор пар.2 главы 19 – П.И. Савицкий).

определение территории ограничивали исключительно земной поверхностью. Территорию как «пространство земли и воды, подчиненное исключительно верховной власти государства», определял Ф.Ф. Мартенс⁹⁷.

На последующих этапах исторического развития территория государства стала охватывать воздушное пространство, пространство континентального шельфа. Были определены правовые основания пользования территориями с международным режимом (водные пространства за пределами исключительных экономических зон, Антарктида), со специальным международным режимом на основе международного договора (Антарктика, открытое море, космическое пространство) и т.п.

Так, А.К. Мирзоевым была справедливо отмечена неодинаковость в разных политико-экономических формациях, как содержания юридической природы территориального верховенства, так и правовых оснований пользования и распоряжения территорией⁹⁸. Из этого следует, что эволюционирование содержательных аспектов территории за счет воздушного, морского и космического пространства делает возможным дальнейшее включение в понятие территории иных новых пространственных рубежей, в том числе и киберпространства.

В работе М.Г. Смирнова предложено следующее разграничение понятий «пространство» и «территория». Понятие «пространство», по мнению автора, подчеркивает определенную специфичность географической среды и таким образом используется в международных договорах, тогда как понятие «территория» имеет правовое выражение как обозначение сферы национальной или международной юрисдикции⁹⁹. Спорность данной позиции усматривается в том, что составляющие пространственные элементы территории государства в равной степени наделены правовым значением в

⁹⁷ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т.1. М.: Зерцало, 2014. С. 252.

⁹⁸ Мирзоев А.К. Указ. соч. С. 58-69.

⁹⁹ Смирнов М.Г. Территория в международном праве: вопросы теории и практики// Глобальный научный потенциал. 2015. № 4 (49). С. 149-150.

силу того, что в их отношении устанавливается суверенитет государства и, соответственно, реализуется юрисдикция государства.

Так, в трудах по международному праву правовое значение понятию «территория государства» придается в связи с тем, что территориальные единицы (морские и воздушные суда, территориальное море и посольства) в юридическом контексте означают конкретную сферу правовой компетенции, а не географическую категорию¹⁰⁰. Принадлежность территории определенному государству и территориальное верховенство, осуществляемое государством, являются двумя основными признаками государственной территории¹⁰¹. Таким образом, правовое значение понятия «территория государства» заключается в определении границ, в рамках которых реализуются суверенитет и полная юрисдикция государства.

Тезис о том, что, если в отношении той или иной пространственной единицы устанавливается верховенство государства, то данная единица может быть отнесена к территории государства, закономерно приводит к вопросу о включении киберпространства в понятие территории государства. Киберпространство, как сфера реализации социальных, экономических и политических отношений, не может быть за рамками суверенитета и юрисдикции государства¹⁰². Фактическая реализация общественных отношений в киберпространстве не позволяет относить его к утопии («нигдея»), а именно месту, которого нет, и существование которого в реальности невозможно.

В то же время в контексте установления суверенитета и юрисдикции государства невозможно проведение параллели между киберпространством с одной стороны, и такими категориями как культурное, духовное, интеллектуальное и другие пространства с другой стороны. В последнем

¹⁰⁰ Броунли Я. Указ. соч. С. 185-187; Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. М., 2001. С. 165–176.

¹⁰¹ Международное право: учебник/ Под ред. К.К. Гасанова, Д.Д. Шалягина. М.:ЮНИТИДАНА: Закон и право, 2012. С. 172

¹⁰² См.: Терентьева Л.В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве //Lex Russica. 2019. № 4. С.139-150.

случае имеет место понимание пространства в социально-философском смысле, а именно как способа существования объективного мира, характеризующегося протяженностью, объемом, формой, структурой, сосуществованием и взаимодействием элементов во всех материальных системах¹⁰³. Киберпространство также является фрагментом социального объективного мира, но его понимание возможно и в международно-правовом аспекте. Так, при всей сложности детерминирования протяженности киберпространства представляется вполне возможным выявить структуру и принципы координации с пользователями.

Таким образом, если киберпространство, будучи площадкой реализации общественных отношений в сфере предпринимательской, творческой, трудовой и иной деятельности, в силу присущего ему сегментирования в большей степени отвечает на вопрос «где», то иные виды пространств, используемые преимущественно в метафорическом значении (культурное, духовное, интеллектуальное и др.), отвечают на вопрос «что». Принимая во внимание, что такие атрибутивные свойства пространства, как протяженность, структурированность и скоординированность (взаимодействие) объектов бытия наследуются не только физическим, но и любыми другими видами пространства¹⁰⁴, представляется вполне допустимым отнесение определенных сегментов киберпространства к территориальному верховенству государства.

Позиции о необходимости территориализации киберпространства озвучивались и в российской доктрине. Так, А.А. Ефремов отмечал тенденцию суверенизации информационного пространства в виде «привязки» информационного пространства к государственной территории посредством определения территориальности информационной инфраструктуры, а также

¹⁰³ Философия логика и методология науки. Толковый словарь понятий. 2010 г.; Философско-терминологический словарь 2004/Под ред. А.Ф. Малышевского; Кикель, П. В., Сороко, Э. М. Краткий энциклопедический словарь философских терминов / П. В. Кикель, Э. М. Сороко. Минск: БГПУ, 2008; Философия и методология науки (понятия категории проблемы школы направления). Терминологический словарь-справочник. 2017; Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Сов. энцикл., 1989.

¹⁰⁴ Берестова Т.Ф. Библиотека как элемент информационного пространства (к разработке концепции)//Библиотекосведение. 2004. № 6. С.43-51.

развития именно внутригосударственного регулирования ее правового режима¹⁰⁵. Э.П. Гаврилов, хотя и указывал на невозможность отнесения киберпространства к территории какой-либо страны, также обращал внимание на необходимость заключения международного соглашения, определяющего территориальную принадлежность киберпространства¹⁰⁶.

Таким образом, устойчивая связь национальных зон киберпространства с территорией государства вполне может быть положена в основу юридической фикции, в рамках которой предполагается включение определенного сегмента киберпространства в содержание понятия территории.

В целях установления судебной юрисдикции границы национального сегмента киберпространств могут быть определены и установлены, учитывая следующие критерии:

- национальная доменная зона государства;
- технологическая инфраструктура, обеспечивающая доступ к информационным ресурсам (объекты информатизации, технические средства и др.), находящаяся на территории соответствующего государства.

¹⁰⁵ Ефремов А.А. Защита государственного суверенитета РФ в информационном пространстве. М. Норма. 2017.С.25.

¹⁰⁶ Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности Российской Федерации: законодательство и доктрина // [Патенты и лицензии](#). 2018. N 8. С. 14-20.